

**ЛИСТАЯ
НОВЫЕ
СТРАНИЦЫ**

*Алексиевич С.А. ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ МОЛИТВА:
ХРОНИКА БУДУЩЕГО. М.: Время, 2013. 299 с.*

В 1997 году из-под пера белорусской писательницы Светланы Александровны Алексиевич вышел потрясающий публицистический труд “Чернобыльская молитва. Хроника будущего”. Произведение получило множество положительных отзывов в прессе. “Я долго искала жанр, который бы отвечал тому, как я вижу мир... И выбрала жанр человеческих голосов... Свои книги я выслушиваю и выслушиваю на улицах. За окном. В них реальные люди рассказывают о главных событиях своего времени” — так описывает она свой весьма своеобразный стиль.

Новое издание книги вышло в 2013 году [1]. Несмотря на три переиздания, книга практически осталась на периферии интеллектуальной мысли. Между тем, это важный сборник воспоминаний современников трагедии, чье восприятие событий позволяет познать дух тех эпохальных дней, определить место и значение “Чернобыля” в контексте исторической памяти постсоветского общества. Нельзя не отметить актуальность возвращения к этому произведению в свете вручения автору Нобелевской премии по литературе и 30-летия

со дня аварии на Чернобыльской АЭС.

Книга небольшая: все монологи уместились на трехстах страницах и читаются на одном дыхании. Она состоит из традиционного для такого жанра многокомпозиционного введения, включающего историческую справку, “одиноким человеческим голосом” жены пожарного-ликвидатора и вступления автора в форме автоинтервью, а также трех глав, каждая из которых поделена на два раздела, и заканчивается снова “одиноким человеческим голосом” с послесловием — вырезками из белорусских газет за 1986–2005 годы, повествующими о новом туристическом центре под названием “Чернобыль”.

В авторском понимании распад Советского Союза и Чернобыльская авария — это совпавшие по времени катастрофы в истории людей, проживавших на огромной территории от Кольского до Чукотского полуострова. Трагедия простого народа — вот главная тема произведений Алексиевич. Не стала исключением и “Чернобыльская молитва”. Драматические изменения в жизни людей, последовавшие

после аварии, происходят повсюду: это и смерть любимых, и глубокое одиночество пожилых самоселов, и отречение общества от чернобыльцев, и самое страшное — страдания болеющих детей.

Предлагаемый вниманию читателей текст — не сухо описанная история техногенной аварии на атомной электростанции и ликвидация ее последствий. Это — схваченный писательским сознанием хор чернобыльского народа. Исполняемый единым порывом, берущий за душу хор всех, кто пострадал, прямо или косвенно, от этой катастрофы. Здесь как бы две реальности, в которых живут затронутые Чернобылем люди: одной ногой они еще там, в том микромире, застывшем сразу после аварии, и сейчас, в настоящее время, когда уже нет коммунизма и Советской страны, но есть капитализм и новые люди с иными взглядами на жизнь и своим пониманием ценностей нового века. Находясь в затвердевшей вневременной капсуле меж этих реальностей, они вовсе не подобны маргиналам — они изначально были поставлены в условия “другого” народа.

Представленные монологи не просто субъективное, но субъективизированное восприятие личностью произошедшей катастрофы. Что почувствовали люди в тот момент, что увидели, как это отразилось на их дальнейшей судьбе, что извлекли они из этого — вот исходный план монологов. Здесь главное не совокупность исторических фактов, а интерпретация исторического события сквозь призму человеческого сознания, или, говоря иначе, персональная история “космической” катастрофы. “Это книга не о Чернобыле, а о мире

Чернобыля” — вот в чем автор видит главный смысл произведения (с. 30).

Поначалу у читателя могут возникнуть сомнения: а все ли рассказы должны быть в книге? Так, монолог психолога Петра С. о том, зачем люди вспоминают, практически не имеет отношения к аварии. Но погружаясь в человеческие переживания, понимаешь правоту автора. Из иногда пространных, порой сбивчивых рассказов людей, как мозаика, складывается уникальное историческое панно. В этой масштабной картине можно вычленить несколько ключевых сюжетов для “чернобыльского”, как они себя нарекают, народа.

Индийский ученый С. Сайни обозначил пять уровней “тайны” Чернобыля: это осознание населением опасности аварийного реактора, отношение государства к произошедшему, влияние на природный мир, воздействие радиации на человека и переживания детей Чернобыля о прошлом и настоящем [2].

Трудно обозначить единую точку зрения о том, является рецензируемое нами произведение историческим трудом, хрестоматией эго-документов о Чернобыльской аварии или чем-либо иным. Мы склонны считать книгу исторической, по форме же содержания мемуарной. Столь трудная ситуация возникла из-за выбранного писателем жанра: не рассказывать детально о произошедшей трагедии, но показать ее глазами участников. С неординарностью авторской концепции жанра также согласна Н. А. Сивакова, считая его документальным, с особой повествовательной структурой [3]. По ее мнению, основной мотив исповедей не покаяние, а попытка осо-

*Т. Магсумов,
Г. Ковзик
Алексиевич С.А.
Чернобыльская
молитва: хроника
будущего*

знания чернобыльцами себя в новой реальности.

С. А. Алексиевич выбрала в качестве фона и одновременно центральной проблемы всего повествования крушение советского человека и его ценностей. В своем монологе страдающий отец рано умершей дочери Н. Ф. Калугин рассказывает: "Ты живешь... Обыкновенный человек. Маленький. ...И в один день ты внезапно превращаешься в чернобыльского человека. ...Ты хочешь быть как все, а уже нельзя" (с. 51–52). Многие люди, пережившие Чернобыльскую аварию, становились другими. Рождалось кардинально иное миропредставление, сознание ломалось, и в душах возникало новое. "Как я сейчас понимаю, Чернобыль освобождал нас... Учились быть свободными", — говорит бывший председатель фонда "Детям Чернобыля" Геннадий Грушевой (с. 158). Часто в книге можно встретить такие фразы, как "заставил думать", "освобождал", "открыл взгляд на произошедшее". Охарактеризовать это явление может точно подмеченная мысль одного солдата-ликвидатора: "Чернобыль взорвал мои мозги. Я стал думать" (с. 83).

Постепенное изменение советского менталитета сопровождалось последними яркими озарениями сердец, предсмертным величием и героизмом еще не исчезнувшего из общественного "подсознания" и поведенческих практик феномена "советского человека". Геройские, но, по мнению рассказчиков, безумные и безрассудные поступки сопровождали их на каждом шагу. Люди отправлялись ликвидировать атомную аварию с благородными побуждениями: для одних это был героический порыв, для дру-

гих — долг перед Родиной, для третьих — призыв коммунистов и партии.

Однако в этих рядах уже появлялись люди, стоящие перед дилеммой: ехать или не ехать? сбежать и залечь на дно, пока не уляжется? потерять здоровье за страну или остановиться перед роковым шагом? Одна рассказчица на примере двух молодых учителей, отказавшихся выполнить работы по обеззараживанию двора школы, объяснила причину "сбоя" в поведении: "Это уже другие люди", имея в виду, что выросло новое поколение с иными ценностями (с.186). В то время за отказ исполнять приказы грозили санкции со стороны органов власти, администрации учреждений и рабочего коллектива: требование положить партбилет на стол (что равносильно потере стабильного положения в обществе и крушению карьеры), угроза военного трибунала и т.п.

Книга еще раз дает возможность *прочувствовать* не раз случившуюся в нашей истории трагедию, связанную с насильственным оставлением родных мест: будь то выселение людей и народов в 1930–1940 годы, эвакуация во время войны. Когда население в срочном порядке вывозили из зоны радиоактивного заражения, большая его часть с глубочайшей тяжестью в душе покидала родные места. Эвакуация вызывала резкий переход скорби в раздражение и перекладывание вины за произошедшее сначала на русских, а потом на коммунистов, мол, это была "их станция". Отъезд осознавался как потери части души и себя, отрыва от малой родины. "Нет, детки, без котика не поеду, — отвечала бабка солдатам-ликвидаторам. — Как я его оставлю? Одного оставлю. Это — моя семья" (с. 131). Рас-

строенные дети оставляли записки с просьбой не бить домашних животных. Люди кланялись своим домам, будто прощались с одним из членов семьи, находившимся на смертном одре. Пожилые люди после непродолжительного пребывания на чужой земле, тайком, окольными путями мимо заградительных кордонов и застав, сквозь гущи леса и топкие болота возвращались обратно, становились самоселами.

Давно известно, что в минуты наивысшей опасности, риска чувство любви обостряется. Чернобыль — очередное тому подтверждение. Людмила, жена пожарного Василия Игнатенко, который одним из первых 28 человек возглавил ликвидацию пожара на станции и, упредил, возможно, еще большие последствия аварии, рассказывала о последних счастливых и вместе с тем трагичных днях, проведенных с мужем: “Обрывок какого-то разговора... Кто-то меня увещевает: Вы не должны забывать, что перед вами уже не муж, не любимый человек, а радиоактивный объект с высокой плотностью заражения. Вы же не самоубийца. Возьмите себя в руки”. А я как умалишенная: “Я его люблю! Я его люблю!”. Он спал, я шептала: “Я тебя люблю!”. Шла по больничному двору: “Я тебя люблю!”. Несла судно: “Я тебя люблю!” (с. 21). Ему оставалось жить не больше 14 дней, и почти все это время она проводила с ним.

Книга дает величайшую возможность не просто проникнуться духом тех дней, а именно пережить описываемые события. Читатель, по мере погружения в книгу, начинает буквально ощу-

щать происходившее, не удивляется, почему чернобыльские дети спрашивают, когда же они умрут.

“Чернобыльская молитва” — это книга о Чернобыле внутри человека, и потому вопрос о том, каковым представляется образ Чернобыля в глазах современников тех событий, следует оставить без ответа, поскольку для каждого из чернобыльцев и ликвидаторов он одновременно и все, и ничего, и рок судьбы, и черное клеймо. Для одних авария — наказание, для других — прозрение, третьим суждено размышлять над этим вопросом всю жизнь. Историческое полотно, сотканное Людмилой Алексиевич, состоит не из одной только боли и страданий — рядом соседствуют геройские поступки, храбрость, непоколебимость, самоотверженная борьба за будущее вопреки случившемуся, вопреки горю, болезни...

Литература

1. Вместо биографии [Электронный ресурс] // Алексиевич С.А. Голос страны Утопии. URL: <http://www.alexievich.info/index.html> (дата обращения: 24.10.2015).
2. Сайни С. “Чернобыльская молитва: Хроника будущего” С. Алексиевич. Проблема жанра // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. № 2. 2013. С. 17–22.
3. Сивакова Н.А. Особенности субъектной организации документальных книг С.А. Алексиевич // Вестник Тверского государственного университета. Сер: Филология. 2014. № 3. С. 134–139.

© 2016 Т.А. МАГСУМОВ,
Г.О. КОВЗИК

Т. Магсумов,
Г. Ковзик
Алексиевич С.А.
Чернобыльская
молитва: хроника
будущего